

ИЛЬЯ ВИКТОРОВИЧ СИДОРЧУК / Ilya Sidorchuk

Кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет / St. Petersburg State University

Ассоциированный научный сотрудник

Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского

социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург) /

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian

Academy of Sciences (St. Petersburg)

i.sidorchuk@spbu.ru

«РУССКИЙ» КОНФЛИКТ В «НЕМЕЦКОМ» УНИВЕРСИТЕТЕ: 1911 г. В ЮРЬЕВЕ¹

“Russian” conflict in “German” university: 1911 in Jur’ev

Keywords: Jur’ev University, high school and government, students, the revolutionary movement, the crisis of 1911.

Abstract: The article is devoted to the history of the crisis of higher school in 1911 during the Ministry of L. A. Casso at the University of Jur’ev. The position of this research center was unique in many ways: on the one hand, it was the oldest University in the country, with deep German traditions, on the other — it was on the periphery, and by the beginning of the XX century there were diasporas of representatives of different nationalities and the majority were Russian. Consideration of the materials stored in the Estonian historical archive and in the Russian state historical archive shows that 1911 in the provincial Jur’ev was quieter than in St. Petersburg or Moscow. Despite the liberal views of the majority of teachers, it did not lead to significant conflicts with the power, as it was in 1905–1907. Probably, the role played and their multi-ethnicity composition, when the total for the corporation interests were added specific to their nationality. The situation was similar among students. Radicals did not manage to break the schedule of the University, and their proclamations and appeals did not enjoy unconditional support. Also successfully operated the police, efficiently suppressing a variety of revolutionary actions.

Ключевые слова: Юрьевский университет, высшая школа и власть, студенчество, революционное движение, кризис 1911 г.

К 1911 г. современный Тартуский университет носил имя Юрьевского. Его положение в Империи во многом было уникальным: с одной стороны, он являлся старейшим университетом в стране, с глубокими немецкими традициями, с другой — он находился на периферии, а к началу XX в. в нем существовали диаспоры представителей различных национальностей — евреев, эстонцев, латышей, грузин, поляков. Также многонациональным и поликультурным был профессорско-преподавательский состав. Русификация университета привела к существенному

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 17-01-00222-ОГН «Кризис высшей школы 1911 г.».

росту числа русских преподавателей, в основном разделявших либеральные взгляды (Тамул 2009, 609). Отчасти это предопределило отсутствие единого вектора в отношениях между учащимися, профессурой и властью. Одновременно события Первой русской революции ознаменовались в Юрьеве высокой революционной активностью студенчества и конфликтами профессуры, поддерживавшей либерального ректора Е. В. Пассека, с Министерством народного просвещения (Тамул 2009, 622–636).

В самом начале 1911 г. до университета донеслось эхо бурных событий столиц, Санкт-Петербурга и Москвы. 14 января Лифляндский губернатор в письме сообщал Юрьевскому полицмейстеру и уездному начальнику о распоряжении Совета Министров от 7 января, запрещающем сходки и собрания в высших учебных заведениях. О них должно было немедленно уведомлять полицию. Подобная мера была «вызвана необходимостью дать возможность трудиться и заниматься наукой учащимся, ищущим знания и оградить их от насилия лиц, преследующих в учебных заведениях другие, противогосударственные цели». Все собрания студентов должны были немедленно прекращаться полицией, а нарушители отчислены (Циркуляры..., 308).

Вследствие постановления Совета Министров ректор Юрьевского университета В. Г. Алексеев опубликовал объявление, согласно которому, так же, как и в других университетах страны, «в университетских помещениях временно воспрещаются всякие студенческие собрания ненаучного характера. Виновные в нарушении сего постановления подлежат исключению из Университета». Также строжайше воспрещалось входить в университетские помещения посторонним лицам (Резолюции..., 6).

О беспорядках, подобных петербургским или московским, применительно к тихому Юрьеву речь не шла. При этом говорить о полном отсутствии политической активности среди студентов также не приходится. Согласно студенческой переписи, проведенной в 1907 г. М. Бенасиком, среди студентов находились лица, «разделяющие взгляды более чем 30 партий», наиболее популярной политической силой были социал-демократы. Наименьшее число левых было среди немцев (чуть больше 37 %), а наибольшее — евреев и кавказских народов (больше 77 % и 88 % соответственно). Среди русских, составлявших больше половины общего числа студентов — около 70 %. Правые политические взгляды пользовались наибольшей поддержкой среди немцев — более 43 % (Бенасик 1909, 71–76).

Организующим центром студенческой активности являлся Коалиционный комитет Юрьевского университета. Его членами в начале февраля был распространен целый ряд листовок противоправительственного содержания. Секретная полицейская переписка сообщает, что

1 февраля в университете было вывешено революционное воззвание. Также во время перерыва между лекциями группа студентов 2 курса обсуждали вопрос о забастовке, причем большинство собравшихся эту идею поддержало (Секретная переписка... 9–9 об.). Студенты выступали за полную автономию высшей школы, соблюдение Временных правил от 27 августа 1905 г. Стремление к отмене занятий они объясняли тем, что студенчество «не может и не будет заниматься наукой при отсутствии неприкосновенности личности, свободы слова, собраний и союзов». Также они призывали профессуру поддержать их: «Выступая на защиту свободы высшей школы, защищая свою и Вашу честь, студенчество ждет от Вас ответа. Оно спрашивает, окажете ли Вы теперь ему поддержку и тем укрепите то искреннее уважение и доверие к Вам, которое выросло после введения университетской автономии». Студенты выражали надежду, что у профессуры не возникнет желания читать лекции «перед переодетыми полицейскими и агентами охранного отделения под защитой винтовок стражников» (Резолюции... 19; Прокламация... 9). Некоторые члены «коалиционного совета» за попытки срыва лекций и распространение прокламаций были исключены (Письмо Министру... 8–8 об.).

Несмотря на активность ряда студентов, их действия не приводили к массовому срыву занятий. Как и в столицах, распространенным способом нарушить ход обучения служили «химические атаки» — распыление в лекционных аудиториях неприятно пахнущих веществ. Например, 3 февраля на лекции психиатра В. Ф. Чижа, известного своими консервативными взглядами и считавшего всех революционеров алкоголиками и душевнобольными вырожденцами (Сироткина 2008, 50), раздались взрывы, и кто-то отравил воздух сероводородом. Тем не менее, большинство присутствовавших студентов не поддержало начинания и осталось в аудитории — лекция была продолжена (Секретная переписка... 30).

Свою роль в профилактике беспорядков сыграла и полиция, проводившая обыски в студенческих обществах и на квартирах студентов с сомнительной репутацией. Особое волнение вызывали члены грузинской и еврейской общин. Чаще всего они не приносили полиции никаких «уловов», хотя и приводили к превентивным арестам. Из запрещенного полиция находила лишь нелегальную литературу. Под особый контроль брались «гастролеры» — приезжавшие в Юрьев студенты из других регионов, особенно из числа евреев.

Очередного всплеска активности полиции ожидала в мае. Так, в секретном циркуляре Полицейстерам и Уездным Начальникам Лифляндской губернии говорилось о том, что «революционные организации прилагают особые усилия к устройству возможно более широкого че-

ствования дня первого мая» и организация забастовки (Секретная переписка... 168). Однако никаких крупных событий в этот день не состоялось. В целом попытки срыва занятий в первую половину года оканчивались неудачно, хотя исключения и высылки студентов продолжались до мая.

Иллюстрацией масштаба революционной активности студентов служат события поздней осени 1911 г. Если для Санкт-Петербурга и Москвы они стали периодом демонстраций, поводом для которых стала годовщина смерти Л. Толстого, то Юрьев ограничился «Делом Доскинского», когда студента университета обвинили в организации несогласованной сходки. Он был приговорен мировым судьей к штрафу в 16 рублей. После подачи апелляции Съезд Мировых судей студента оправдал (Дело по обвинению...).

Таким образом, 1911 г. в провинциальном Юрьеве прошел тише, чем в Петербурге или Москве. Несмотря на либеральные взгляды большинства преподавателей, к существенным конфликтам с МНП, как это было в 1905–1907 гг., это не привело. Вероятно, свою роль играл и их полинациональный состав, когда к общим для корпорации интересам добавлялись характерные для их национальности. Схожей была ситуация и в среде студенчества. Радикалам из его числа не удалось нарушить распорядок работы университета, а их прокламации и воззвания не пользовались безоговорочной поддержкой. Также успешно действовала полиция, оперативно пресекая различные акции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бенасик М. (2009) *Студенчество в цифрах по данным переписи 1907 г. в Юрьеве*. СПб.: Издание Общества Юрьевских студентов.

«Дело по обвинению Василия Доскинского». *Eesti Ajaloohiiv (ЕАА)*. 417.1.8224.

«Письмо Министру народного просвещения от МВД. 18 февраля 1911 г.». *Российский государственный исторический архив (РГИА)*. Ф. 733. Оп. 201. Д. 214.

«Прокламация Коалиционного комитета Императорского Юрьевского университета». *РГИА*. Ф. 733. Оп. 201. Д. 214.

«Резолюция коалиционного совета университета (1911)». *ЕАА*.402.7.756.

«Секретная переписка (1911)». *ЕАА*.325.1.1039.

Сироткина И. (2008) *Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX века*. М.: НЛЮ.

Тамул С. (2009) «Тарту и его университеты (1905–1918 годы)» *Университет и город в России (начало XX века)*. М.: НЛЮ. С. 584–702.

«Циркуляры, списки заключенных студентов и переписка с М. Н. П., губернатором и др. об организации студенческих обществ, полицейском надзоре [Секретная переписка П. 1903–1916]». *ЕАА*.402.7.490.